

УДК 398.8

DOI 10.52452/2658-7475-2025-4-28-7-31

БЫТОВОЙ КОНТЕКСТ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕМЫ В ЧАСТУШКАХ

© 2025

К.Е. Корепова

Корепова Клара Евгеньевна, ORCID: 0000-0002-1837-3353, доктор филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), korvic@list.ru

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025

Статья принята к публикации: 10.12.2025

Предметная область частушки широка, при том что лирическое содержание ее достаточно ограничено: любовные отношения молодежи в предбрачный период. Герои частушки показаны в контексте реальной действительности. Как совмещаются бытовой контекст и лирическая тема, в фольклористике пока не исследовалось. В статье для рассмотрения выбрано ближнее бытовое окружение героев – дом. Образ дома в частушке используется для характеристики персонажа (дом парня), а его составляющие осмысливаются как место и средство общения персонажа с внешним миром (дом девушки), при этом из всего, что образует понятие «дом», в смысловую часть частушки вовлекается только то, что соответствует ее лирической теме, – части дома, обеспечивающие контакт с внешним миром: окно, крыльцо, ворота. В одночастной частушке преобладают традиционные для фольклора ситуации (сидение у окна, смотрение в окно, выход/вход через окно, выход на крыльцо и др.), переработанные в соответствии со спецификой жанра. Двухчастная структура частушки, наличие запевки, связанной со смысловой частью формально, ассоциативно или только типом построения, позволяет расширить предметный ряд. В запевке нашли отражение некоторые элементы интерьера дома, экстерьера, хозяйственные работы, пейзаж и т.д. При тематическом различии частей текст частушки представляет собой всегда художественное целое. Части объединены единым эмоциональным настроением, задаваемым запевкой. Эмоциональные соотношения двустийшии разнообразны, рассмотрение их помогает понять характер лиризма в жанре и заслуживает специального исследования.

Ключевые слова: частушка, миниатюра, специфика жанра, художественный мир, дом.

Каждый фольклорный жанр – это особый художественный мир, со своим временем и пространством, героями, событиями, с ними происходящими, своим вещным набором. Художественный мир частушки, позднего жанра в истории коллективного искусства, и особенно предметная область в нем широки и разнообразны: «В отличие от других песенных жанров фольклора, содержание которых ограничено определенным кругом тем и образов тематический диапазон частушки поистине безграничен» [Лазутин 1960, с. 103]. И, заметим, это при том, что собственно лирическое содержание в частушке достаточно ограничено – любовные отношения молодежи в предбрачный период. Но герои частушки, в отличие от персонажей иных песенных жанров, показаны в широком контексте реальной действительности: в бытовой повседневности, в трудовой деятельности, на фоне природы. Существуют ли ограничения в отборе вовлекаемого в жанр материала? Как совмещаются бытовой контекст и лирическая тема, как все это укладывается в форму четырехстрочной миниатюры? Ответы на вопросы пока в фольклористике еще не даны. Мы попытаемся исследовать проблемы, выбрав для рассмотрения из ближнего окружения героев частушки один объект – дом, центр жизненного пространства.

Дом, *домик, домок, домёночек, дома*, крайне редко *хоромы*. В собрании Тимина [Тимин II, с. 370–371], например, более 140 употреблений слова *дом* и только 2 – *хоромы* [Тимин II, с. 419], в сборнике Елеонской – 4 [Елеонская, с. 512], а лексемы *терем*, характерной для причитаний, в собрании Тимина нет совсем, *изба* – 20 употреблений [Тимин II, с. 375].

Дом в фольклоре и шире – в народной культуре – как центр «своего» мира и локус семьи многократно привлекал к себе внимание исследователей, рассматривался с разных позиций и на материале разных жанров [Никитина, Кукушкина 2000, с. 6, 213–215; Максимова 2013, 2015, 2020]. В работах, посвященных частушке, он пока не был предметом изучения. Однако анализ образа дома в частушке и особенно его сравнение с соответствующим материалом других фольклорных текстов позволят глубже понять как специфику интересующего нас жанра, так и сдвиги, произошедшие в освоении мира народным творчеством. В этом плане и рассматривается дом в данной работе.

В частушке, в основе которой лежит брачная оппозиция (мир девушки, потенциальной невесты, и мир парня, потенциального жениха), дом изображается в двух разновидностях: дом ее и его. Преобладает взгляд с позиции девушки.

Героиня частушки по своему статусу близка к героине свадебного причитания: она потенциальная невеста, к тому же текст частушек, как и причитаний, в большинстве случаев «женский». Но при сходе исходных позиций в частушке, свободной от мифологического миропонимания и отражающей новые представления о брачных отношениях, взгляд на **дом парня-жениха** принципиально иной. Парень уже не чуж-чуженин, а любимый, и на дом его девушка смотрит, оценивая как предполагаемое место своей будущей замужней жизни: *Чьи-то новые хоромы / Вдоль дорожки строятся. / Полукруглые окошки / Для меня готовятся* [Власова–Горелов, № 6245]. И если в причитании оценка дома жениха всегда отрицательная, «с точки зрения невесты, основной характеристикой дома жениха, всего, что находится в нем и вокруг него, является чуждость и неизвестность, отклонение от нормы» [Никитина, Кукушкина 2000, с. 27], то в частушке этот дом обычно бывает желателен и описывается положительно, но лишь с одной стороны: он служит показателем благосостояния хозяев.

В соответствии с художественным методом частушки дом всегда изображается реалистически, конкретно и характеристика его дается по разным параметрам. Выражается она в основном через эпитеты и описание деталей дома. В тематическом указателе сборника Власовой и Горелова отмечен 21 эпитет к лексеме *дом* [Власова–Горелов, с. 453], в указателе к собранию Тимина – 29 [Тимин II, с. 370–371].

Дом богатый. Характеристика раскрывается названием особенностей его, и прежде всего размера: он *большой, великое создание, высокий*. У него *высока лестница, он двух- и трехэтажный, пятистенный*. О богатстве говорит также материал, из которого дом сделан: он *каменный, кирпичный, железом крытый*, у него крыша покрашена (*зелена, бордовая*). Он выделяется особенностями архитектуры: дом *конем, шатровый, с карнизом*. Соответствует и внутреннее строение:

У мово-то у милова / Пергородка лаковыа [Тимин, № 2873¹]. Дом в хорошем состоянии – *новый*, обихожен: покрашен снаружи (*белый, желтый, бордовый*) и внутри (*зеленый потолок*), у него *новое крылечко*, благоустроено пространство вокруг него: *палисадничек кругом, крашоные ворота*, стоит на хорошем месте: *На узоре стоит домик...* [Власова–Горелов, № 815], *под окошечком песок* [Тимин, № 188]. Хотя все называемые качества дома вполне реальны, образ крестьянского дома явно идеализирован, это дом мечты, в котором хотелось бы жить.

Идеализация иногда выходит за рамки реальности, например: *Пятистенный домик, / Полукруглые окошечки, / стеклянный потолок* [Тимин, № 2879], но при этом всегда присутствует установка на конкретность, индивидуальность, иногда с этой целью указывается местоположение дома, приводится какая-то внешняя примета или порядковый номер его от какого-либо ориентира:

Крайний угол, крайний дом –
Это мой миленочек...

[Власова–Горелов, № 4042].

У миленочка хоромы –
Трети от полюшка...

[Власова–Горелов, № 3076].

Называется обычно сразу несколько достоинств: *Белый дом, высокая лестница, / Окошка на боку...* [Власова–Горелов, № 135]. Какие-либо отдельные функционально значимые части дома, например, входы / выходы – пограничье в своем и чужом пространстве – не выделяются.

Характеристика дома сопровождается выражением отношения к нему, и она всегда эмоционально окрашена: на него переносится отношение к живущему в нем парню. *Дом* служит метонимической заменой *парня*: ... *сушит крайненький домик. / Сушили крашена окошечка, / Зеленый потолок* [Власова–Горелов, № 56]. Дом наделяется человеческими чувствами: *Дом невесело стоит* (в вариантах: *припе-*

---

¹ Нумерация текстов в двухтомном сборнике Тимина является сквозной.

чалившись) *стоит*... [Тимин, № 3969] или: *У милого дом споткнулся*... [Власова–Горелов, № 1945], он *стоит*, как *сиротиночка* [Власова–Горелов, № 3110]. Частушка в этом продолжает традиции причитаний [Никитина, Кукушкина 2000, с. 28].

Встречается, но редко в частушках и противоположная характеристика: жилище жениха **бедное**. В этом случае употребляется лексема *изба*: *У миленочка избеночка, / Избеночка – не дом*... [Тимин, № 2877]. Обычно отрицательная оценка дается также в случае, если парень не нравится девушке или он «гордится»:

У моего бахвала
Половина избы пало,
У другого форсуна
Пала печка и стена.
[Тимин, № 2171].

В частушках нет разносторонней характеристики избы с внешней ее стороны, называются лишь два признака: *маленькая*, что выражается лексически (*избенка, избушка*), и старая, *разваленная*. При отрицательной оценке используется характерное для свадебных причитаний [Никитина, Кукушкина 2000, с. 126] изображение жилища как неполноценного в своем строении, не имеющего какого-то элемента: *Полюбила-то какого – / Нету скобки у дверей: / Дырочка провернута, / Веребочка продернута* [Власова–Горелов, № 3659]. В отличие от богатства, которое показывается через внешние его признаки, бедность часто рисуется в своей сути – скудности пищи: *Не хвались, миленок, домиком, / Я в домике была, / У вас в домике на столике / Картошка и вода* [Тимин, № 2876].

Интерьер дома парня, как правило, не изображается, некоторые детали упоминаются лишь в дополнение к описанию внешних признаков богатства, например, в доме *лакова перегородка* [Тимин, № 2872], *У миленочка в дому / Баские занавески!* [Власова–Горелов, № 3143].

В понятие *дом парня*, кроме строения, обязательно входит и состав семьи. Идеальная ситуация с позиций девушки – семья небольшая (*сын у матери один*), что обеспечит достаток при семейном разделе: *Милый, сватай, хоть не сватай – / За тебя не отдадут, / У тебя*

четыре брата – / В доме доли не дают [Власова–Горелов, № 608]. Желательно, чтобы семья была мирная, поэтому лучше, если меньше сестер (*лучше б деверя четыре, чем одна золовушка* [Тимин, № 2885]) и свекровь с хорошим характером. О будущем свекоре обычно не упоминается. В частушках рисуется идеальная ситуация: сестра парня, потенциальная золовка, доброжелательна к девушке и даже помогает ей в общении с братом: *У миленочка сестреночка, / Как аленький цветок: / Носит весточки от милого / Кажинный вечерок* [Тимин, № 2867]. Принимает девушку и вся семья парня, как в повсеместно распространенной частушке:

– Милый мой, твои родители

Желают ли меня?

– Милая, желаю я,

Желает вся семья моя.

[Тимин, № 2887].

Представлена в частушках и противоположная ситуация в самых разнообразных конкретных проявлениях [Тимин, №№ 2889–2895, 2897–2902]:

Дролечка, твоя сестра

Сказала мне словечико:

Не то ли, что не надо в дом –

Не надо на крылечико!

[Власова-Горелов, № 229].

Дом парня, таким образом, – это собирательный образ вполне реального богатого дома, скорее купеческого, чем крестьянского, или крестьянской избы.

Дом девушки изображается как самой девушкой, так и парнем (что встречается реже) с другой позиции: функциональности его в любовных отношениях молодежи. В частушке как малом жанре художественная цель диктует довольно строгий отбор реалий: только те, что обеспечивают ее реализацию. Описание внешнего вида дома девушки не входит в художественную задачу частушки и не дается, внимание бывает привлечено лишь к частям его, обеспечивающим

контакт с внешним миром: окну, крыльцу, воротам. Такие части, как передний угол, задний угол, печь, куть, светлица, дверь, мост, сени, значимые в мифологической картине дома и в свадебном обряде, а потому нашедшие отражение в причитаниях, в частушках не играют роли, они занимают малое место или даже почти не отражены в жанровой картине мира. Например, в собрании Тимина (более 7000 текстов) *передний угол* встретился лишь один раз в частушке о сватовстве, а *куть* ни разу.

Наиболее часто упоминаемая часть дома девушки – **окно** (*окошечко, оконушко, оконце, окошко; окна, окошки*), его образ наиболее семантически нагружен, но не мифологическим и символическим смыслом, а бытовым содержанием.

Окно изображается в описании дома девушки и парня по-разному – в разных функциях. Окна (чаще во множественном числе) дома парня-жениха, как и весь его дом, – это ценностный признак, характеризующий достаток хозяев: окон у дома парня много (*весь в окошечках — ... двенадцать окон..., семнадцать..., окошка на боку*). Они могут быть особой формы: *полукруглые, украшенные: Милый выкрасил окошка / И наличники цветам* [Власова–Горелов, № 5197], *белы окна, голубые косяки, на окнах тюлевые шторочки*.

Окно в доме девушки (обычно в единственном числе) не имеет оценки, и фактически отсутствует характеристика его признаков, реальных, как при описании окон дома парня, и с мифопоэтической нагрузкой, как в причитаниях невесты. Эпитеты к слову «окно» редки и часто перенесены с образа дома жениха в составе устойчивого выражения. Окно изображается лишь как место и инструмент общения с внешним миром, но если в мифопоэтической картине мира [Виноградова, Левкиевская 2004, с. 537], в том числе в причитаниях, «через окно осуществляется контакт человека с миром космических явлений или миром мертвых» [Никитина, Кукушкина 2000, с. 108], то в частушках это вполне реальные контакты девушки с парнем. Собственно, изображается не окно, а события, с ним связанные, точно так же, как не собственно дом, а жизнь девушки в нем.

С окном в частушках связан ряд ситуаций. Все они в конечном итоге развивают традиционный образ «женщина у окна» – «один из образов мирового фольклорного фонда, восходящий к мифологиче-

ской архаике» [Мальцев 1989, с. 123]. Одна из этих ситуаций, характерная также для лирической песни и свадебных причитаний: девушка в доме у окошка занята ручной работой (в причитаниях – на лавочке под окошком, в частушках – не только *под*, но и *на* окошке). Она шьет, вышивает или прядет: *Я сидела под окошком, / Конопельки терла...* [Елеонская, № 2104], *Под окошком я сидела, / Пряла беленький ленок...* [Тимин, № 817], *На окошке я сидела, / Ноги на скамеечке, / Шила милому рубашку...* [Елеонская, № 73], или при юмористическом освещении событий может быть так: *...пряду лен, не волокно, / Ноги свесила в окно...* [Власова–Горелов, № 5635]. Окно, однако, может упоминаться и без связи с работой: *Сидит милашка на окошке, / Кашу грешну лопают...* [Тимин, № 3238].

В частушках ситуация дается обычно с деталями, и акцент переносится на то, что героиня одновременно высматривает в окно своего парня, ждет его прихода, именно поэтому сидит под окном или даже на подоконнике: *Посмотрю в большо окошко, / Что там дроля делает?..* [Власова–Горелов, № 460]. Будучи на беседке в чьем-либо доме, девушка советует подруге: *Не гляди, подруга, в двери, / Не заглядывай в окно: / Не придут сегодня дролечки...* [Васова–Горелов, № 3907]. О себе рассказывает: *Всю я ночку не спала: / Все в окно глядела...* [Тимин, № 770]. Из окна она наблюдает за отношением парня к другим девушкам, и парень, подсмеиваясь над девушкой, говорит: *Я сударушке во спальню / Окошко прорублю, / Чтобы видела и слышала, / В который край иду* [Власова–Горелов, № 2175]. Сидение у окошка в ожидании милого, посматривание в окно – это в частушках типовая ситуация в изображении девушки, находящейся в своем доме. Изоморфна ей ситуация: девушка поглядывает на дверь или выбегает на крыльцо.

Окно – место, через которое происходит также звуковое общение девушки и парня. Проходя мимо дома, парень подает сигнал о себе особым выкриком (*уханьем*), песней или игрой на гармошке: *Мимо милого окошка / Тихомолком не пройду: / Либо свистну, либо вскрикну, / Либо песенку спою* [Тимин, № 3199 вар.].

Устойчивая ситуация в частушках: подойдя к дому, парень стучит в окно, вызывая девушку на свидание, просит милую выглянуть: *Подошел милой к окошку, / Стукнул тросточкой в окно...* [Власова–

Горелов, № 3053]. Девушка просит: *Миленький, не стучайся, / Хорошенький, не брякайся, / У переднего окна / Только поцарапайся* [Бахтин, № 680]. Есть приглашение «от противного»: *Не смотри, мила, в окошко... Не кажи серы глаза., / Лучше выйди-ка на крылечко...* [Тимин, № 432]). Формула: *Посмотри / не гляди, мила, в окошко...* – частый зачин частушек.

Если парень не мил, девушка говорит ему: *Не ходи по-под окошком, / Землюшку не топчи...* [Власова-Горелов, № 3952], *Не ходи ты мимо окон, / Не заглядывай в окно...* [Тимин, № 2691]. Знаком отказа от общения служат занавешенные окна: *Отчего же ты, девчонка, / Окна занавесила?* [Тимин, № 3214] – спрашивает парень, выясняя отношения. Та же ситуация означает прекращение отношений. Изоморфные ситуации: *окно заросло*, как в песне *заросла дорожка: Заросли окошки тополем, / Не вижу, дроля, вас* [Тимин, № 3438], и *закрыты / заперты ворота: Ягодиночки отправились <в армию – К.К.> – / Закрывает ворота...* [Тимин, № 4651].

Существует противоположная версия стояния под окном, в ней действие связывается с домом парня, соответственно под окном оказывается девушка, пришедшая стуком вызвать парня. Эта ситуация, по всей вероятности, вторичная и возникла путем обращения образов на основе распространенной мужской, более логичной, а, как утверждал В.Я. Пропп, «форма, примененная логически, первичнее формы, примененной бестолково» [Пропп 1976, с. 161], сказано это было о сказке, но распространяется и на другие жанры.

В мифологической модели дома в свадебных причитаниях «окно – это часть жилища, существенная для представления о норме» [Никитина, Кукушкина 2000, с. 127], норма выражается в наличии / отсутствии окон у дома и их характеристике: в нем «окон может вовсе не быть, или они неправильно сделаны, некрасивы» [Никитина, Кукушкина 2000, с. 127]. Этот мотив используется и в частушке, в ней тоже иногда говорится о нарушении нормы, но применительно к использованию окон: девушка в случае, если родители запрещают встречаться с парнем, уходит из дома не через дверь, а через окно. Это не осуждается, и рассматривается как хитрость, вынужденное действие или лихость, и подается обычно в юмористическом освещении: *На улицу не пускали – / Экая оказия! / На ночь двери закрывали – / Я в окошко лазила* [Власова-Горелов, № 6999].

Используется в частушках и стереотипная фольклорная – проникновение парня-жениха к девушке через окно (обычно в облике птицы – *Финист ясный сокол*, а на уровне фразеологии – *залетный молодец*), но уже вне какой-либо сказочности: *Я у Полечки в окошечко / Просился ночевать: / «Дорогая моя Полечка, / Никто не будет знать!»* [Власова–Горелов, № 137]. В частушке сохранились лишь следы мифического образа в наименовании любимого – *залетка*, или орнитоморфный образ используется в поэтическом приеме – сравнении (прилети соколом). В целом мифологическое содержание не свойственно жанру, и образ парня под окном или проникающего в дом через окно в частушке реалистический:

С колокольчиком тальяночка
К окошечку пришла.
Босиком от мамы воровски
К миленочку ушла
[Власова–Горелов, № 4048].

Окно используется для передачи вести от любимого: *Интересную записочку / В окошко подали...* [Тимин, № 654], *От миленочка письмо / Мне в окошко подали...* [Власова–Горелов, № 3130]. Через окошко девушка передает подарок: *Я сошью тебе кисет, / Положу на окошечко...* [Власова–Горелов, № 1946]. Через окно преподносится букет желтых цветов как знак измены и разрыва отношений: *Открой, дролечка, окошко, / Прими желтые цветы...* [Власова–Горелов, № 7962].

Кроме девушки, к окну в ее доме бывает причастна мать, будучи задействованной в той же сфере контактов: она препятствует общению молодых людей или через окно наблюдает за поведением дочери. Широко распространена частушка:

Отвори, мама, окошко:
Голова что-то болит.
– Не обманывай, плутовка:
Тебя миленький манит
[Тимин, № 931].

Окно – часть интерьера дома. Оно украшено занавесками, на нем стоит комнатный цветок, вечером на нем может стоять зажженная свеча (*На окошке свечка тает, / Под окном собачка лает...* [Власова–Горелов, № 705]). Оно используется как дополнительное место для расположения предметов домашнего обихода, при домашней работе (*На столе стоит машина, / На окошечке шитье...* [Власова–Горелов, № 1348]) и т.п. Все описываемые действия реальны.

Окно столь значимо в художественном пространстве дома, что часто служит метонимической заменой некоторых ситуаций, например, отъезд из родной деревни, отсутствие в ней выливается в образ *опорожненного места* под окном: *Скоро здесь меня не будет, / Ни меня, ни дролочки – / Опорожнится местечко / Под окном у елочки* [Власова–Горелов, № 3690].

Окну в структуре частушки изоморфно по ряду признаков **крыльцо, крылеч(и)ко, крылечушко, крылец**. Оно, как и окно, прерванная граница дома, место контактов с окружающим миром. В мифопоэтической картине действительности, характерной для традиционных жанров фольклора, через окно осуществляются контакты человека с миром мертвых, а через крыльцо – с миром живых. В частушках нет мифологического содержания, но крыльцо и окно, при их изоморфности, изображаются по-разному. В художественном мире жанра они имеют разную значимость, а потому разную частотность употребления и разный набор сюжетных ситуаций, с ними связанных. В материалах собрания Тимина и «Частушек в записях советского времени» [Власова–Горелов] образ крыльца встречается почти вдвое реже, с ним связано и меньше сюжетов. Художественная ситуация может отражать ситуацию этикетную в молодежной культуре: крыльцо как часть дома девушки для парня менее доступно, чем территория под окном, за пределами дома.

Если крыльцо дома парня, как и окно, – ценностный признак, то в жилище девушки оно связано с общением девушки и парня. Встреча девушки и парня у окна – это прелюдия свидания. Парень через окно просит девушку выйти на крыльцо. Но встреча и общение на крыльце изображаются редко. Более того, есть частушки, в которых выход на

крыльцо рассматривается как предосудительный: *Ты не думай – я не дура, / Я не выйду на крылец...* [Власова–Горелов, № 3829].

Свидание в пределах пространства «большого дома» (придомовой территории) происходит на скамеечке под окном или у ворот, то есть за пределами самого дома, а на более дальней территории – за воротами, на берегу реки: *Пойду выйду за ворота, / Пойду выйду за реку; / Пойду выйду, где стояли / С миленьким на берегу* [Власова–Горелов, № 751]. Провожают девушку с гулянья только до дому, до крыльца, но не до дверей, иногда только до ворот: *Проводи, милый до дому, / Не до самого крыльца...* [Власова–Горелова, № 1211], *Завлекали – провожали / До крылечка много раз...* [Власова–Горелова, № 7099]. В то же время в воспоминаниях о прошлом называется как место встреч всегда крыльцо: *Отходили мои ноженьки / К милашке на крыльцо* [Власова–Горелова, № 3846]. Или:

Два крылечка, оба рядом,
На память остались:
На одном крыльце свыкались,
На другом расстались
[Тимин, № 2552].

Крыльцо часто воспринимается в единстве с домом: *Дролин дом, дролин дом, / Дролино крылечко! / Как увижу этот дом, / Заболит сердечко* [Власова–Горелов, № 819], крыльцо в метонимической замене может быть субститутутом дома. У крыльца символически зарывают ушедшую любовь, как горе избывают в поле или пускают по реке: *Давай, миленький, схороним / У крыльца свою любовь...* [Тимин, № 2472].

Самая распространенная ситуация, связанная с крыльцом, она же одна из ключевых ситуаций в фольклоре, известная как в эпосе, так и в лирике, – выход на крыльцо, но если в традиционной ситуации выход на крыльцо часто только начало пути из дома – выезда, как правило, молодца, то в частушке выход, притом девушки, – самостоятельное и самоценное действие. Для ее словесного оформления используется как традиционная формула: *Пойду, выйду...* – так и дополненная, в которой обстоятельство (*на крылечко*) стало ключевым словом, поскольку действие в частушке не получило развития: *Выходила*

на крылечко... / Только вышла на крылечко... [Власова–Горелов, №№ 229, 652, 3318, 3984, 4784, 5678, 5927, 7429, 7430; Тимин, №№ 494, 760, 2217, 4154].

Выход имеет несколько поводов. Один – прощание на крыльце при проходах в дальний путь: *Дроля в армию поехал, / На крылечко вышла я...* [Власова–Горелов, № 4829], *Скоро дролечка поедет, / Выйдет на крылечушко...* [Власова–Горелов, № 3270]. Другой повод – встреча. На беседке на крылечко выходят девушки, чтобы встретить милого: *Слышу, слышу, заиграла, / Замерло сердечушко. / Подружка ткнула под бочок: / «Выйдем на крылечушко!»* [Власова–Горелов, № 4449].

В одночастной частушке за выходом следует сообщение об увиденном или услышанном, обычно эмоционально окрашенное:

Выходила на крылечик
И смотрела на туман;
Интересно было слушать,
Как мой шура припевал
[Тимин, № 494].

Выход на крылечко вызывает размышление: *Выходила на крылечко, / Вышла и подумала...*

Для частушки как жанра характерно изображение событий в их мгновенности, в ней часто схватывается первый момент после перемен или сам момент смены событий, состояния, чувства. Эта особенность художественного времени частушки отражена в глагольной форме *выходила*, передающей момент изменения положения в пространстве. Иногда сиюминутность усилена частицей *только*, подчеркивающей исключительность момента: *Только вышла на крылечко – / Звездочка осветила...* [Власова–Горелов, № 3318], *...заиграл полубаян* [Власова–Горелов, № 7479], */ соловей громко поет...* [Тимин, № 760] и т.д.

В некоторых ситуациях окно и крыльцо взаимозаменяемы, например, в цикле о чужой стороне лирический герой смотрит с тоской вдаль, туда, где его родная сторона, открыв окно или выйдя на крыльцо, например: *Гляну в окно, оконушко – / Всё чужая сторонашка* [Власова–Горелов, № 7737], *Выйду, выйду на крылечко, / Все*

зеленая трава. / Куда глазоньки не глянут – / Все чужая сторона [Власова–Горелов, № 5927]. В частушках рекрутских окно заменено форточкой:

Скоро, скоро нас угонят
Где высокие дома.
Откроем форточку, посмотрим,
Где родная сторона
[Тимин, № 4024].

Окно и крыльцо выполняют здесь присущую им роль контактной зоны, но при удаленности родной стороны роль условна.

Как крыльцо, так и окно бывают местом действия в изображении жеста «падает с горя»: ...*Прочитала и упала на крыльцо высокое* [Власова–Горелов, № 1153], *Повалилась на окошко, / На зеленые косяки: / «Дроля, я тебя любила ...»* [Власова–Горелов, № 4546].

Строения хозяйственного назначения, находящиеся при доме (в составе понятия «большой дом»), в частушках фактически не отражаются, кроме бани, которая бывает объектом или местом действия в различных ситуациях, характеризующих быт персонажей: *Вечор банюшку топила, / Дым густой поваливал...* [Тимин, № 299], *Ваня, Ваня рубил баню – / Я крылечко строила* [Тимин, № 615], *Ветрит, ветрит мой платочек / На углу на банюшке...* [Тимин, № 664] и т. п. Обычно ситуация, в которой задействована баня, бывает связана с темой любовных отношений: *Под горушкой баня топится, / Милый парится, торопится; / Поскорее бы попариться: / У милья рыба жарится* [Елеонская, № 367].

Среди предметов, находящихся у дома девушки, многократно встречается в частушках **скамейка**, *скамеечка / лавочка* в саду, у двора, а чаще всего у ворот. Частотность ее объясняется тем, что она вовлечена в основную тематику частушек – любовные отношения молодежи: она место свиданий. Постоянного эпитета в жанре она не получила и характеризуется с разных позиций: по материалу, из которого сделана, – *сосновая*, по форме – *широкая и узенькая, поката*, по характеру обработки материала – *крашона*, т.е. покрашенная, даже *черным лаком крытая*, может быть *новой* или с *подкосивши-*

мися ножками, иметь окказиональный признак (девушка предупреждает: *Не садись, милый, на лавочку: на лавочке вода* [Тимин, № 83]). Она ухожена: *белая, промытая*, а чтобы была она белая, девушка скребет ее: *Поскребла бы я скамейку, / Косарик больно туп...* [Власова–Горелов, № 5264]. Скамейка наряду с крыльцом упоминается в частушках-воспоминаниях о былой любви: *Отстояла, отстояла у ворот скамейка, / Отгуляла, отгуляла / Со мной симпатеечка* [Тимин, № 3477].

В рассмотренных текстах понятие *дом* отражено эксплицитно – через его наименование. Оно выражается и имплицитно: растворено в контексте, не будучи названо. В этом случае, как правило, значение понятия *дом* расширяется: оно включает «домашнюю жизнь заселяющих дом», т. е. «мир дома». В результате расширяется круг сюжетных ситуаций и богаче оказывается бытовой фон лирической темы. Ф.М. Селиванов, автор едва ли не лучшей антологии частушки, знаток жанра, слышавший частушку в живом бытовании у себя на родине в Пермском крае еще в 1930–1940-е гг., сам владевший большим частушечным репертуаром [БРФ, с. 641], говоря о яркой картине деревенской жизни в частушках, в том числе об изображении дома, пишет: «В избе печь и полати, вся домашняя утварь (ухват и сковородник, кадушки и ушата, горшки и т.д.), стол, тесовые лавки и скамейки, «моя», девичья, горенка» [Селиванов 1990, с. 9]. Все это так: в частушку попадает любая вещь, на которую упадет взгляд сочинителя, но при этом действует некоторая избирательность в использовании этих образов в жанре. Так, одни лишь раз мелькнут, другие станут сюжетообразующими, будут устойчиво употребляться как объект или место действия, будут ключевыми словами, вокруг которых сложится формула. Например, в отличие от изображения дома парня, совсем не описывается семья девушки. Только две ситуации отражают отношения девушки с родителями: она просит родителей купить ей наряд (или упрекает, что не покупают) и жалуется, что не пускают гулять либо ограничивают в гулянье; не отражаются отношения с сестрами и братьями, о них фактически не упоминается. Из всех видов домашнего застолья в частушку попало преимущественно чаепитие, и то лишь взаимное угощение парня и девушки:

Чернобровенький мальчишка,
Чаю не заваривай,
С кем гуляешь, с тем гуляй –
Со мной не разговаривай²
[Тимин, № 1786].

Оно попало в частушку, потому что угощение чаем в частушках символизирует ухаживание [Симакова 2006, с. 4–9].

В частушках представлен *труд девушки*, но из всех видов домашней работы выделяются лишь несколько, все уличные: огородничество, хождение за водой на колодец и стирка на реке. Совсем или почти не отражены работы внутри дома, например: уборка дома (подметание пола, мытье его), приготовление еды, уход за младшими детьми и т. п. Вероятно, связано это с тем, что устойчиво в поэтический мир жанра попадает все-таки то, что так или иначе, прямо или косвенно, ассоциативно связано или может быть связано с основной лирической темой жанра – молодежными любовными отношениями. Работа на улице, а тем более в поле, хождение к реке, в лес дает возможность встречи с парнем, развития отношений. Об этом говорится в частушках: *Я любила чай-от пить, / Любила по воду ходить. / Мимо сада милого / Моя ходьба любимая* [Елеонская, № 1948].

Хождение на колодец за водой с ведрами и коромыслом – женская работа, одна из домашних обязанностей девушки. Колодец служит местом встреч молодежи: с подругами, тоже пришедшими за водой, и с парнями, подошедшими пообщаться, обычно под одним и тем же предлогом – воды попить. Поэтому колодец в предметном мире частушки значим, упоминается часто (в собрании Тимина встречается около 50 раз в разных сюжетах [Тимин II, с. 378]), характеризуется по ряду признаков. Колодец *с перерубом березовым*, он может быть с большим *колесом*, на нем стоит *бадейка*, которой *воду черпают*, а когда черпают, *цепи медные гремят*. Вода в нем – *настоящий леденец*, иногда льется *грязноватая, мутная, пузырится, пенится*. Около колодца может быть *сыро-сыро*, и девушка *устилает землю елками* или *сажает елочки*. Над колодцем *вьется вороненочек*. Колодец *роют*,

---

² Возможно, в последней строке должно быть *не заговаривай* (не пытайся ухаживать).

потом рубят, и щепки на гору летят. У колодца бабы судят молодежь. Парни просят девушек напоить их водой.

Еще один вид работы на придомовой территории – огородничество. Огород – зона преимущественно девичьей работы, образ коррелирует с садом в традиционных жанрах. Но если сад в песнях – образ обобщенный, во многом условный, имеющий постоянный эпитет – *зеленый*, то огород в частушках реалистичен. В частушках называются конкретные работы, которые приходится делать в нем девушке: она готовит землю под посадку овощей (*В огороде я копала / Черную земельку...* [Тимин, № 948]; *Посылала меня мать / В огород бороновать...* [Тимин, № 133]), выращивает рассаду, сеет редьку, у которой горьки семена [Тимин, № 175], сажает огурцы и лук, потом за всем приходится ухаживать – *то полоть, то поливать* (а сорняки растут: *осот и молочай*), приходится возиться в земле, и девушка рассказывает, что как-то в огороде *«по колено вязла»* [Тимин, № 1310]. И не всегда все растет благополучно, поэтому вырывается восклицание: *Огород, огород, какая досада!* [Тимин, № 1426]. Но все это родное, изображается овеянным ее отношением, в конечном итоге приносящим радость. Недаром любимого девушка называет *цветочком огуречным* [Тимин, № 1502]. Огородом она любит: *В огороде лук и мак – / Какое украшение!* [Тимин, № 973]. С огородом связаны погодные и весенние пейзажные зарисовки – картинки природных перемен: *Из огорода выходила – / Пала белая роса...* [Тимин, № 2317], *Пели, пели, – улетели / С огорода скворчики...* [Тимин, № 716].

Мы сознательно привели большое число примеров изображения в частушках событий домашней жизни девушки, связанных с огородом, ряд можно продолжить. Они наглядно показывают, как широко сопровождается лирическая тема бытовым материалом, многообразно, с различными индивидуализирующими деталями рисуется хозяйственный или природный объект, попавший в художественный мир жанра, хотя используется иногда и традиционно песенное обобщенное выражение *во саду ли, в огороде*: *Во саду ли, в огороде / Выросла петрушка...*

Дом вписывается в деревенскую улицу, которая иногда конкретизируется собственным именем: она Касимовска, Ореховска, Покровская, Варварская и т. д. Другие эпитеты используются редко: из почти 70 употреблений лексемы в собрании Тимина [Тимин II, с. 370]

только в 9 случаях при ней имеются эпитеты (не считая названий): широкая (6 употреблений), пустая (2), зелена (1). Она характеризуется, как и дом девушки, только с позиции вовлеченности в молодежные отношения. Выделяются на улице лишь два дома – девушки и парня, а еще место встреч – колодец, который всегда *в том конце*³. По ней проходят парни, обычно с гармонистом, подавая игрой и пением знак о себе, и девушки открывают окна, то есть подают ответный знак. Или парень один идет на свидание к дому своей милой: *По деревеньке иду, / Поворочу налево-то, / Я к милашечке иду – / Кому какое дело-то?* [Власова–Горелов, № 4028]. По ней проходят, чтобы взглянуть на дом любимой (любимого) при разлуке, расставании: *Я иду широкой улицей, / Гляжу на дролин дом: / Он стоит как сиротиночка, / А дроли нету в нем...* [Власова–Горелов, № 3110].

Образы, характеризующие понятие *дом*, по-разному вводятся в текст. Способ введения определяется преимущественно структурой текста. В одночастных текстах со сквозным развитием темы они включаются в любовный сюжет как изображение места или образа действия. Преобладают в одночастных частушках традиционные для фольклора ситуации, разрабатываемые также в других жанрах (сидение у окна, смотрение в окно, выход / вход через окно, девушку не пускают из дома на гулянье, выход на крыльцо, падение на окно / крыльцо как жест и др.), переработанные в соответствии со спецификой жанра: демифологизированные и конкретизированные. И еще один вид включения – описание объекта, к которому лирический герой выражает свое отношение (в частушках о доме парня).

В двухчастной частушке образы включаются только в первое двустишие – запевку, образующую самостоятельную зарисовку. Двухчастная структура позволяет расширить предметный ряд, объединяемый понятием *дом*. Через запевку главным образом вводятся в частушку бытовой контекст и вещный мир, окружающий героев. В рассмотренных текстах в запевке нашли отражение пейзаж, некоторые элементы интерьера дома, не входящие в круг сюжетов одночастных частушек (оформление окна: занавески, цветы разного рода на окне, свеча там же и др.), элементы экстерьера (*под окошком ручеек,*

---

³ В рекрутских частушках еще *большой дом, зелена крыша – приемна*, но это специфика именно данного цикла.

березка белая, кустарник и т. п.), в том числе нарушенного, вероятно, какими-либо хозяйственными работами (*Под окошком у нас яма...* [Тимин, № 1927], *камень наваленное* [Власова–Горелов, № 3948]; хозяйственные работы (*под окошком распаху / Черную землюшку...* [Тимин, № 948]) и т.д.

В запевке одним штрихом дается картинка природы, увиденная из окошка или при выходе на крыльцо, зарисовка погоды: *Дует ветер, снег несет, / За окном метелица...* [Власова–Горелов, № 4093], *Выходила на крылечко, / Охватил меня туман...* [Власова–Горелов, № 3984], *...на меня закапал дождь* [Власова–Горелов, № 4783]. В запевке также отражаются моменты хозяйственной деятельности персонажей: *Выходила на крылечко / Керосину наливает...* [Власова–Горелов, № 662], *Повымела крылечушко – / Опять засорилось...* [Власова–Горелов, № 404].

В структуре всего текста эти зарисовки выполняют разные функции. Они могут быть первой частью логического параллелизма: *Заморожены окошки, / Кто будет оттаивать? / Мы с подруженькой сердиты, / Кто будет забавать?* [Тимин, № 900]. Часто они являются частью формального параллелизма, вполне самостоятельной, связанной со смысловым двустушием лишь рифмой или эмоционально: *На крылечке – две дощечки, / Стоят ведерки воды. / Отчего мы не гуляем? – Мы девчонки молоды* [Тимин, № 5].

Кроме того, некоторые лексемы, связанные с понятием *дом*, вошли в устойчивые выражения. Несколько устойчивых выражений существует в жанре с лексемой *колодец*: *из колодца вода льется* (в собрании Тимина около 20 употреблений) и *в том конце колодец, на том колодце*. Есть устойчивые выражения с лексемой *окно*, в том числе *из окна в окошко* (*у окна – окошка*), где дериваты имеют одно значение, а в частушках выдаются за разнозначные и обыгрываются: *Сидит Федька у окна, / Алешка – у окошка...* [Власова–Горелов, № 6110].

С ключевым словом *окошко* сложилось несколько инициальных формул. Частушка хотя и поздний жанр, но развивающийся в рамках коллективного творчества, а потому сохраняет стереотипность и ее формульность. Частушка пользуется общефольклорными формулами разного уровня, созданными ранее в разных жанрах, но и в рамках

жанра, несмотря на новую эстетику, сохраняется тенденция к созданию стереотипов разного вида, в том числе словесных формул, уже на материале новой предметной области и при ином взгляде на традиционный объект изображения. Формульность в частушке несколько иного уровня, чем в жанрах предшествующих. В ней шире словесное «вариационное поле», она держится на устойчивости структурной, словесная же касается только ключевого словосочетания, а члены, распространяющие его, вариативны. Но эти вопросы еще подлежат изучению на большом материале в рамках всего жанра (о вариативности частушечных формул, построенных на традиционной символике, говорится в диссертации М.С. Симаковой [Симакова 2006, с. 19–20]).

Что касается инициальных формул с ключевым словом *окошко*, то они строятся по модели, содержащей устойчивое обозначение положения в пространстве – (*на окошке, из /у окошка, под окошком* и т.д.) – и нахождения в нем предмета или лица, а номенклатура предмета, действий, с ним производимых, или его состояния является переменной. По характеру предмета при огромном разнообразии вариаций выделяется несколько версий формулы. Рассмотрение их позволяет не только понять принципы вариативности частушек, но и в связи с исследуемой темой увидеть, как бытовой материал вводится в текст.

1. Одна из версий формулы: **на окне / у окна находится растение** (цветок, дерево, куст), иногда с уточнением его вида, качеств, действия с ним, а также количества растений.

Наиболее распространена обобщенная форма наименования: *на окошечке цветок / цветочек...* – без видового наименования его, но при амплификации с уточнениями – фольклорным постоянным эпитетом *аленький* и указанием на количество: *два цветочка / три цветочка*. Формула имеет разные продолжения: *цветок тянется и вьется, любит поливаньце* и т.д. Версия отражает типичное для деревни оформление окна, в одной из частушек по этому поводу говорится: *Это тоже не окошечки: / Без аленьких цветов...* [Тимин, № 915].

Менее распространена формула с наименованием конкретного цветка – розы, традиционного для поэзии [Веселовский 1939, с. 132–139], также с разрастанием и вариативным продолжением: *на окне*

стоят две розы, / сею розу, / я с окошка на окошко розу переставила и т.п. Роза в частушках цветов условно-поэтический, сочетающий реальные и нереальные качества.

Более распространена разновидность версии, в которой назван типичный для жанра частушки цветов – герань / ерань: Она столь привычна для интерьера деревенского дома, что иногда упоминается с опущением (эллипсисом) места расположения в доме: *<Ах,> герань, герань, / Герань зеленая, не вянь...* [Тимин, № 2934]. Упоминания других различных цветов (*незабудочка, сирень, на окне черемушка, в баночке расцвели смоляночки*) единичны.

Еще одна версия тоже с растительным образом, но с локализацией его на улице – у окна, за / под окном. В этом аспекте чаще всего называется березка: *стоит березка под окошком, / Расцвели листочки* [Власова–Горелов, № 7777], *под окошечком / у окошечка березка, зыблется, колыблется* [Власова–Горелов, № 3166], *бела, тонкая, гибучая, золотым огнем горит* и т. д. Другие упоминаемые деревья и кустарники в дополнение или в замену: *тополь, рябина, елочка, сирень*.

2. Под окном может быть природный водный объект: *Под окошечком река* [Власова–Горелов, № 1356]; *ручеек, вода све́жа, сине море*.

3. При уличном расположении объекта растительная и водная парадигмы не являются исключительными и могут дополняться любым прочим предметом, например, встречается: *под окошечком костер* [Власова–Горелов, № 1504], *у нас камень наваленное* [Власова–Горелов, № 3948], *под окошком у нас яма* [Власова–Горелов, № 1927].

4. Действующим лицом особой версии является кошка: *Сидит кошка на окошке...* [Тимин, №№ 722, 884, 1139, 4089, 4959 и др.]. Версия также отражает типичный интерьер деревенской избы. Она, как и другие, имеет варианты, в том числе и различные продолжения, укладывающиеся в общие виды трансформации фольклорного текста, выявленные и сформулированные В.Я. Проппом [Пропп 1976] на материале волшебной сказки, но имеющие в пределах фольклора универсальный характер.

5. Есть модель инициальной формулы, в которой упоминаются два окошка, соединяемые летающим / вьющимся предметом: *из око-*

шечка в окошечко веревочка вилась [Власова–Горелов, № 947], *летает белый пух* [Тимин, № 2097] и т.п. Все разновидности ее ассоциативно связаны со смысловым двустишием об измене, непостоянстве парня, метании его между двумя девушками.

Инициальные формулы в большинстве своем представляют формальную запевку, задающую смысловому двустишию лишь рифму и не влияющую на его содержание, а потому, казалось бы, они допускают и даже предполагают свободу в выборе упоминаемых предметов и широкий круг их использования. Между тем рассмотрение текстов, выявленных при просмотре более 15 000 частушек, показало, что круг их тематически ограничен, и в этом проявляется стереотипность частушки как коллективного искусства. Вероятно, применительно к частушке как жанру, возникшему позже песни, действует общий закон формульности, выявленный Г.И. Мальцевым: «Выбор элементов, из которых строится тема <имеется в виду формула – К.К.> не свободен, так как каждая традиционная тема обладает специфическими правилами своего стилистического развертывания» [Мальцев 1989, с. 145], «набор элементов каждой темы подчинен (и обусловлен) стилистическому канону именно этой темы» [Мальцев 1989, с. 146]. В частушечной формуле, помимо указанных выше предметных областей, оказались включенными в поэтический текст лишь некоторые предметы домашнего обихода, некоторые привычные для положения на окошке, другие совершенно случайные.

Инициальная формула, как и неформульная запевка, обычно сюжетно не согласована с основной любовной темой частушки. Но при тематической несогласованности частей текст частушки представляет всегда художественное целое, законченную миниатюру. Тематическая несогласованность частей не есть новшество частушки как жанра. Части в этом случае бывают объединены интонацией, эмоциональным настроением, задаваемым запевкой. А.Н. Веселовский о роли формального запева в лирической песне писал: «Он приготавливает к ее <песни – К.К.> впечатлению, приготавливает и слушателей, и певца своей метрической схемой» [Веселовский 1989, с. 123]. В частушке он готовит не только «метрической схемой», но и эмоционально. Эмоциональные соотношения двустиший разнообразны, и они заслуживают специального изучения.

Итак, дом – центр жизненного пространства человека – нашел широкое отражение в художественном мире частушки. Он изображается с разных сторон: как жилое строение, вся придворовая территория, включающая и хозяйственные постройки («большой дом»), семейный коллектив, проживающий в доме, и быт, хозяйственные работы при доме (мир дома). Но самостоятельным объектом изображения в жанре он не стал. Образ используется для характеристики персонажа (дом парня), или его составляющие функционируют как место и средство общения персонажа с внешним миром, при этом из всего, что образует понятие **дом**, в смысловую часть частушки в этом случае вовлекается только то, что соответствует ее лирической теме.

Источники

Бахтин – Частушка. Предисл. В.Ф. Бокова. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В.С. Бахтина. М.-Л., 1966.

БРФ – Частушки. Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1990. (Библиотека русского фольклора, т. 9).

Власова–Горелов – Частушка в записях советского времени. Изд. подгот. З.И. Власова и А.А. Горелов. М.-Л., 1965.

Елеонская – Сборник великорусских частушек. Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.

Тимин – Частушки 1920–1930-х годов. Собрание И.И. Тимина. Т. I. Девичьи частушки. Т. II. Мужские и прочие частушки. Другие материалы. Сост., вступ. статья, коммент. и указатели К.Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2025.

Литература

Веселовский 1939 – Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., 1939. С. 132–139.

Веселовский 1989 – Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 101–154.

Виноградова, Левкиевская 2004 – Виноградова Л.И., Левкиевская Е.Е. Окно // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 3. К–П. М., 2004. С. 534–539.

Горелов 1965 – Горелов А.А. Русская частушка в записях советского времени // Частушка в записях советского времени. Изд. подгот. З.И. Власова и А.А. Горелов. М.-Л., 1965. С. 5–27.

Кулагина 2000 – Кулагина А.В. Поэтический мир частушки. М., 2000.

Лазутин 1960 – Лазутин С.Г. Русская частушка. Вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960.

Максимова 2013 – Максимова Е.О. Жилые постройки в былинах Печоры: образно-тематическая характеристика // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2013. Выпуск 2. С. 100–116.

Максимова 2015 – Максимова Е.О. Образы жилища печорских причитаний в контексте обрядовых коммуникаций // Дом в этнокультурном пространстве: сборник научных трудов. Сыктывкар, 2015. С. 78–115.

Максимова 2020 – Максимова Е.О. Терем в былинах, причитаниях и песнях Печоры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. № 7. С. 103–109.

Мальцев 1989 – Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике русского устно-поэтического канона). Л., 1989.

Никитина, Кукушкина 2000 – Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М., 2000.

Плотникова, Усачева 1999 – Плотникова А.А., Усачева В.В. Дом // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2. Д–К. М., 1999. С. 166–120.

Пропп 1976 – Пропп В.Я. Трансформации волшебных сказок // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 83–115.

Селиванов 1900 – Селиванов Ф.М. Народная лирическая поэзия последнего столетия // Частушки. Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1990. (Библиотека русского фольклора, т. 9).

Симакова 2006 – Симакова М.С. Традиционная поэтическая образность (чай, сласти) в любовных частушках: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.09. М., 2006.

THE DOMESTIC CONTEXT OF THE LYRICAL THEME IN CHASTUSHKAS

K.E. Korepova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The subject area of the humorous rhyme (chastushka) is broad, although its lyrical content is rather limited to the love relationships of young people during the pre-marriage period. The characters of the humorous rhyme are shown in the context of real life. The combination of everyday context and lyrical theme has not been examined in folklore studies yet. The article focuses on the immediate surroundings of the characters, namely their home. In a humorous rhyme, home is used to characterize the character (the guy's house), and its components are used as a place and means of communication between the character and the outside world (the girl's house). In this case, only those parts of the house that provide contact with the outside world, such as

windows, porches, and gates, are included in the semantic part of the humorous rhyme. In a one-part humorous rhyme, traditional folklore situations predominate (sitting by the window, looking out the window, going out / coming in through the window, going out on the porch, etc.), processed according to the specifics of the genre. The two-part structure of the humorous rhyme, the presence of an introduction related to the semantic part formally, associatively or only structurally, allow for the expansion of the subject range. The introduction reflects certain elements of the interior and exterior of the house, household activities, landscapes, and more. Despite the thematic differences between the parts, the humorous rhyme text always represents a cohesive artistic whole. The parts are united by a common emotional tone set by the introduction. The emotional relationships between the couplets are diverse, examining them helps to understand the nature of lyricism in the genre and deserves further research.

Keywords: humorous rhyme, miniature, genre specificity, artistic world, home.